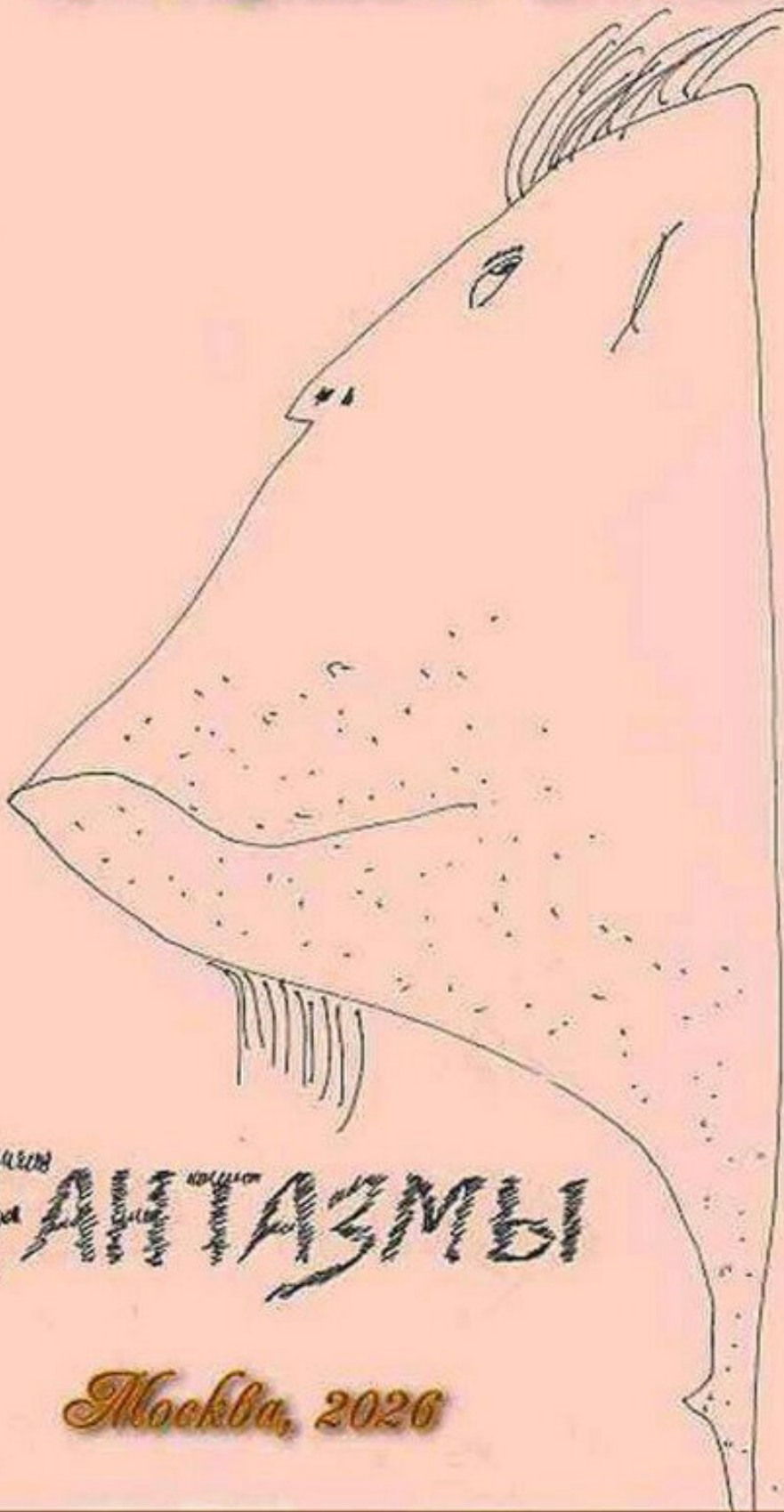


18+

# Муhammad Мектеп



АИТАЗМЫ

Москва, 2020

Михаил Меклер

**Фантазмы**

«Издательские решения»

## **Меклер М.**

Фантазмы / М. Меклер — «Издательские решения»,

Лишь слогу русскому дано величие. Какой еще язык, искусно может  
сочетать, гармонию любви и перепевов птичьих, красиво и созвучно описать!

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| 1. Бредни                         | 6  |
| 2. В Рай и обратно                | 10 |
| 3. М-е-е, м-е-е                   | 15 |
| 4. Козни дьявола                  | 19 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 21 |

# Фантазмы

**Михаил Меклер**

*Дизайнер обложки* Владимир Батурин

© Михаил Меклер, 2026

© Владимир Батурин, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-8374-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## 1. Бредни

В зеркале под слоем амальгамы  
живёт твой образ фасом в раме,  
не чувствующий вины за искажённый профиль,  
что в маске за спиной оставил Мефистофель.  
Попрощайся с ним, как с формой суток,  
тогда в стекле увидишь свой рассудок.  
Понятно станет, он лучше, чем ничто,  
намного проще и до сих пор никто.

Горизонт с облаками напоминает шнур бельевой  
с влажными простынями, реющими над головой.  
Напрягает мозг телефонный зуммер.  
Неужели опять кто-то умер?  
Середина жизни совпадает с концом короткой.  
Разница времени зависит от насыщения утробы водкой.  
Человек всё время находит свой тупик,  
в любой точке света, не изменяя свой лик.

И ты двигаешься в направлении потерянных денег.  
Прощаешься с теми, кто покинул жизненный берег  
раньше, чем это смогли понять,  
почему их смогла догнать,  
из множества созданных пуль,  
не пуля из свинца, а инсульт.  
Кровь не любит поступать в мозг,  
когда жизнь натягиваешь как трос

и если мозг не думает о крови,  
то ты доводишь здоровье до боли.  
Долгое молчание умножает грусть на злобу,  
чтобы не видеть неба, надо нырнуть в воду  
и оттуда наблюдать протуберанцы,  
мысли о плохом закроют пространство.  
У многих свое больное воображение,  
розовое становится чёрным изображением.

Может, что-то внутри расколосось  
и ты слышишь свой внутренний голос,  
на отрыв души стало вроде похожим  
и ты всё чаще произносишь: «О, Боже!»  
Насытившись отражением своим,

ты становишься себе нелюбим,  
а осознав свой лишний вес,  
отметишь в амальгаме стресс.

Возраст оставляет шрам,  
по небритым твоим щекам,  
как в джунглях, зияют руины,  
а ещё точнее морщины.  
Взгляд всегда следует дальше тела,  
туда, где нет жизни и всё омертвело,  
где глаз остановит свой взор,  
пустота открывает затвор.

Всё, что отражение найдёт,  
будет отражать жизнь наоборот.  
Да, пусть это фантастический бред,  
ты, конечно, оставишь свой след,  
даже в незримом мире зеркал,  
гвоздём по зеркалу, как маргинал.  
Страны настигают нас в аэропортах.  
Люди скачут, как мячик на кортах.

Относительный покой возникает от трения,  
тишины о зуммер бесконечного времени.  
Парадоксальность создаёт замкнутые очертания,  
где тоска порождает невнятные причитания.  
Запах исчезающего счастья стал хуже гноя.  
Состояние измученной души — это есть паранойя.  
Отражение взгляда в чужих глазах  
выражает мысли и на словах,

поражает глубину глазного дна,  
непонятную болтовню о коллизиях дня.  
Слухи раздражают психику,  
если кто-то наводит критику.  
И когда между событиями наяву,  
ожидаясь изменений в своём мозгу,  
да еще извращения своего взгляда,  
который достигнет слухов променада.

Встань в свободную нишу и закрой глаза.  
Представь, как бесконечность исчезает за,  
лабиринты и коросты эпох,  
где никогда не прорастает мох

и что это умом непостижимая вечность,  
а ты в это время летишь в бесконечность.  
Не раскрывайся перед людьми незнакомых мастей,  
чтобы сохранить форму своих же костей.

Старайся сохранить профиль, а лучше анфас,  
не обращай внимания на дерзкие выкрутасы.  
Из вещей предпочитай серое, цвета земли.  
От прицепа маскируйся, чтоб не навели,  
зная языки, не говори на них,  
слушай и делай вид, что притих.  
Думай, что смотришь в будущее и держись.  
Расстояние меж сегодня и завтра — наша жизнь.

Помни, тот кто с тобой на одном берегу,  
вниз по реке может выдать сразу врагу.  
Это диалектика — все глупости без конца,  
делаются с видом умного лица,  
руками сумасшедшего, или подлеца.  
Жизнь начинается внутри яйца.  
Лучше осознать, что не зря жизнь идёт,  
возвращаться назад, но смотреть вперёд.

Всё время думать, что повезёт,  
даже если нечет, то будет чёт.  
Складывай кубики и строй свой дом,  
если захочешь, в небе увидишь гром.  
Проблемы разбивай только своим лбом,  
обязательно молись перед сном.  
И люби себя на всех языках,  
непонятное жестами показывай на руках.

Когда заметишь, что вовсе умер  
и на твою ногу прицепят номер,  
уже не спрашивай, который час,  
затем зачитают последний указ.  
Тогда ты увидишь, как жёлтая птица  
высиживает лимоны на поле пшеницы  
и как дети самолётов на прогулке вторят вопрос,  
почему их не учат мёд собирать и делать навоз?

Зачем деревья скрывают сияние корней и древо семей?  
Почему чем чаще рыдают, тем тучи черней и веселей?  
В том мире увидишь, как злятся вулканы,

как океаны выпивают разные страны  
и сколько на небе разных церквей,  
как за воскрешение наливают глинтвейн.  
После этого уже не надо другим выступать,  
лучше свои стихи ещё почитать.

Вот когда про тебя уже всё рассказали,  
то, что ты написал и тебе написали,  
заведомо чувствуя затаившийся крах,  
а иммунитетом останавливай страх.  
Тогда можно будет себе всё простить,  
но сохранить желание себя любить.  
Ради этого и стоит творить,  
чтобы весело было жить.

## 2. В Рай и обратно

Жил-был богатый купец по имени Аркаша,  
был у него единственный сын по имени Яша.  
У него в доме жила родственница — сиротка Аннет.  
Яша был высокий мальчик, темноглазый брюнет.  
Она ниже ростом, с голубыми глазами  
и кудрявыми золотыми волосами.  
Они вместе обедали, учились, играли порой:  
Яша в игре был мужем, Аннета — женой,  
всем было ясно, как только они подрастут,  
то на самом деле поженятся и семью создадут.

Когда они подросли, Яша вдруг заболел:  
никто не знал про недуг, что его одолел:  
Яша решил, что он уже умер с голоду.  
Откуда такая блажь пришла ему в голову?  
Всё случилось оттого, что он наслушался сказок о Рае.  
Старая няня постоянно ему про это твердила в сарае,  
что там не нужно учиться и силы тратить трудом,  
в Раю едят мясо зубров, китов и запивают вином,  
которое Всевышний приберёт для господ,  
там поздно спят и не знают каких-то забот.

Яша был от природы большим лентяем:  
не нравилось ему вставать рано и даром  
заниматься языками и науками для красного словца.  
Он знал, что когда-нибудь придётся принять дело отца,  
но совсем к этому не стремился, надеялся на авось.  
Няня обещала ему, что когда умрёшь, в рай попадёшь:  
вот он и решил скорее умереть при этом,  
он много размышлял и мечтал о том,  
что вскоре вообразил себя мертвецом.  
Родители поняли, что пахнет концом.

Вся семья уговаривала Яшу, что он живой,  
но он никому не верил и не отвечал, как немой.  
Почему вы не хороните меня: я умер уже.  
Из-за вас я не могу попасть в рай в неглиже.  
Много врачей приходило к Яше домой,  
они старались убедить мальчика, что он живой.  
Доказывали, что он разговаривает, ест и может пить,  
но вскоре Яша стал меньше есть, перестал говорить,  
вся семья боялась, что он умирает на самом деле.

В отчаянии Аркаша пошёл к целителю на неделе.

Доктор Шац, выслушав описание болезни, сказал:  
— Я вылечу сына за восемь дней при одном условии:  
вы должны исполнять всё, что я вам наказал,  
как странным это вам ни показалось бы, без иронии.  
Аркаша вернулся, чтобы подготовить домашних.  
Он велел жене, Аннет, и слугам выполнять приказы Шаца,  
о чём бы он ни просил их для своих однажды.  
Когда доктор приехал, его повели в комнату, где был Яша.  
Мальчик лежал в постели, бледный, худой, в отключке,  
с растрёпанными волосами и в мятой ночной сорочке.

Доктор мельком взглянул на мальчика и произнёс:  
— Зачем вы держите в доме мертвеца?  
Почему не готовите похороны, вот в чём вопрос?  
Родители перепугались, на сыне не было лица,  
но оно осветилось улыбкой, и он сказал: — Пора.  
Теперь вы видите, что я был прав на все стороны!  
Хотя Аркаша и его жена удивились словам доктора,  
они помнили об обещании и стали готовить похороны.  
Яша был так взволнован, что вскочил с постели и пустился сразу  
в пляс.  
От радости он проголодался, попросил еды, но Шац ответил: —  
Не сейчас.

Погоди, ты поешь в раю, там будет классно.  
Доктор попросил приготовить комнату, чтоб на Рай была похожа.  
Потолок комнаты обтянули белым атласом,  
полы выстелили дорогими коврами, стены покрыли белой кожей,  
окна закрыли ставнями, зашторили плотно, всё было в тишине.  
Свечи и масляные лампы горели день и ночь,  
а слуги оделись во всё белое и носили крылья на спине,  
потому что они должны были изображать ангелов.  
Яшу положили в открытый гроб в похоронном обряде.  
Мальчик так устал от счастья, что всё проспал, желанья ради.

Проснувшись, он обнаружил себя в чужой комнате под небесами.  
— Где я? — спросил он. — В раю, господин, — ответил слуга с  
крылами.  
— Я страшно проголодался, — сказал Яша после сна.  
— Дайте мне китового мяса и священного вина.  
Старший слуга хлопнул в ладоши, дверь отворилась,  
в комнату вошли мужчины и девицы с крыльями на спинах.  
Они несли золотые подносы с мясом и рыбой,

гранаты, ананасы и персики с хурмой.  
Слуга с длинной бородой держал золотую чашу, полную вина.  
Яша так проголодался, что поглощал пищу с жадностью сполна.

Ангелы вились вокруг, подкладывая лакомые куски и доливая вина.

Окончив есть, Яша объявил, что хочет отдохнуть немного.  
Два ангела выкупали его, одели ночную сорочку из тонкого полотна,

надели ночной чепец и отнесли в постель с белым пологом.  
Яша тут же забылся счастливым сном.

Когда он проснулся, уже было утро потом,  
но могла быть и ночь, ведь ставни закрыты были,  
горели свечи и масляные лампы дымили.

Как только слуги заметили, что Яша проснулся отныне,  
они принесли ему точно такую же еду, что и накануне.

— Почему вы принесли такую же еду, как вчера?  
— Разве у вас нет масла, кофе, свежих булочек и молока?  
— В Раю всегда едят одну и ту же пищу, — ответил слуга.  
— Сейчас уже день или ещё ночь? — спросил Яша тогда.  
— В Раю не бывает ночей всё происходит днём.  
Доктор подробно объяснил всем слугам, что отвечать.  
Яша опять поел рыбы, мяса, фруктов и запил вином,  
но ел он уже не так жадно, как в первый раз.  
Отобедав и вымыв руки в тазике золотом,  
он спросил: — Который сейчас час?

— В Раю не существует времени, — ответил слуга.  
— А что мне сейчас делать? — спросил Яша.  
— В Раю господин ничего не делают — это известно.  
— Где же другие святые? Я хочу познакомиться с ними.  
— В Раю каждой семье уготовано своё место.  
— А разве нельзя съездить в гости, пообщаться с иными?  
— В Раю очень удалены друг от друга жилища,  
и от одного до другого нужно ехать тысячи лет.  
— Когда же приедёт моя семья? — спросил Яша.  
— Твоему отцу осталось жить ещё двадцать лет.

Матушке — тридцать, пока они живы, не придут сюда.  
— Я должен всё это время оставаться один? Ерунда!  
— Что же станет с Аннет?  
— Ей жить больше пятидесяти лет.  
— Да, господин мой.  
— Яша покачал головой

а потом спросил: — Что же Аннет будет делать теперь?  
— Сейчас она очень тоскует по тебе, поверь.  
Ты же знаешь, господин, что нельзя горевать вечно.  
Рано или поздно она забудет тебя, неизбежно.

Встретит другого юношу и выйдет замуж.  
Так оно ведётся среди живых душ.  
Яша стал расхаживать взад и вперёд по своей могиле.  
Долгий сон и сытная пища восстановили его силы.  
Впервые за много лет Яше захотелось что-то делать,  
но в Раю ничего не надо было делать.  
Восемь дней находился Яша на своём обманном небе  
и становился день ото дня всё грустнее и грустнее.  
Он скучал по отцу, стремился к матери, страстно желал увидеть  
Аннет.  
Безделье уже не доставляло ему такого удовольствия, как много  
лет.

Ему хотелось чему-то научиться, он мечтал путешествовать,  
скакать верхом, разговаривать с друзьями, их приветствовать.  
Еда и сон, доставившие радости, уже потеряли  
свой вкус, Яша не мог скрывать своей печали.  
Он заметил: «Теперь я понимаю, что быть живым не плохо, а  
хорошо».  
«Жить, господин, трудно. Надо учиться, работать, а здесь всё  
легко».  
«Да я лучше стану лес рубить и камни таскать, чем сидеть здесь!  
Сколько это всё будет длиться? Когда наступит конец?»  
«Вечно, господин мой». Яша в горе стал метаться и выть:  
«Я лучше убью себя» — «Тот, кто умер, не может себя убить».

На восьмой день, когда Яша достиг пределов своего отчаяния,  
один из слуг, как было условлено, вошёл к нему и сказал:  
— Господин, произошла ошибка. Вы не умерли, произошло  
покаяние.  
— Разве я жив? — Да, вы живы и должны покинуть Рай.  
Мы вернём вас обратно на землю. Яша был вне себя от развязки.  
Слуга надел ему на глаза повязку, поводит по дому туда-сюда,  
привёл в комнату, где ждала его вся семья, и снял повязку.  
Был яркий день, солнечный свет врывается в открытые окна.  
Веял свежестью окрестных полей и фруктовых садов ветерок,  
на деревьях за окном пели птицы, пчёлы летали с цветка на цветок.

Из сараев доносилось ржание лошадей и мычание коров.  
Он радостно обнял и расцеловал своих родителей и Аннет.

— Я и не знал, как хорошо быть живым! — воскликнул он.  
У Аннет он спросил: «Ты встретила другого человека или нет?  
Ты ещё любишь меня?» — «Люблю. Я не могла забыть тебя  
совсем».

— Если это так, нам пора пожениться. Я уже готов.  
Скоро сыграли свадьбу, Шац был на ней почётным гостем.  
Гремела музыка. Гости съезжались из дальних городов:  
кто верхом, кто погоняя мулов, а кто и на верблюде.  
Для невесты и жениха все несли подарки на блюде.

PS.

Праздник длился семь дней и семь ночей:  
такой весёлой свадьбы и старики не могли припомнить.  
Яша и Аннет были очень счастливы и дожили до глубокой  
старости.  
Яков перестал лентяйничать и стал самым усердным купцом  
целого края,  
а его торговые караваны доходили до Багдада и до Индии.  
Только после свадьбы Яша узнал, каким образом доктор Шац  
вылечил его,  
и что побывал он в раю для простаков.  
Потом он часто рассказывал Аннет о своих приключениях:  
так и дошла история его чудесного исцеления доктором до внуков  
и правнуков.  
А заканчивали её всегда одними и теми же словами:  
«Но никто, конечно, не знает, каков же рай на самом деле».

### 3. М-е-е, м-е-е

Дорога до местечка раньше была покрыта снегом,  
зима выдалась мягкой. Ханука уже была отныне,  
а снег не выпал, солнце не пряталось за тучами в небе.  
Крестьяне думали, что озимые уродятся плохими.  
Зеленела травка, стали выгонять на пастбища скотину.  
Тот год оказался неудачным для скорняка Рувима,  
после колебаний он решил продать козу свою:  
Злата была старенькой и молока почти не давала,  
а мясник предложил за неё приличную сумму:  
денег бы на картошку и масло для блинов хватало.

Рувим велел отвести козу в город сыну своему.  
Арон понимал, что это значило — козу мяснику.  
Мать Лия, узнав об этом, плакала и слёзы утирала,  
а младшие сестрёнки, Анна и Мириам, рыдали.  
Арон надел тёплую куртку, шапку-ушанку,  
на шею Златы повязал верёвку, взял лукошко,  
положил с собой хлеба с сыром, баранку,  
чтоб перекусить по дороге немножко.  
Он должен был прийти с козой в местечко к вечеру ногами,  
переночевать у мясника и вернуться на завтра с деньгами.

Пока семейство прощалось с козой,  
Злата стояла спокойная и добродушная у дома родного,  
облизывая Рувиму руки, трясла белой бородой.  
Она доверяла людям: они не делали ей ничего дурного.  
Когда Арон вывел её на дорогу, Злата удивилась —  
ведь они никогда прежде не ходили в ту сторону,  
поглядела на мальчика с вопросом: «Что случилось?»  
Но решила, что козы не задают вопросы хозяину.  
Когда они вышли из села, солнце сияло приятно,  
но скоро погода переменялась вдруг внезапно.

На востоке показалась чёрная туча и накрыла небо.  
Хлынул холодный ветер, низко летали и каркали вороны.  
Затем град сменился очень густым снегом.  
Казалось, будет дождь, но посыпался град во все стороны.  
Арон успел повидать всякую погоду в свои 12 лет,  
но прежде не видел такого, что затмил дневной свет.  
Дорога была извилистой, ветер стал ледяным не на шутку.  
Арон ничего не мог разглядеть сквозь сплошной снег,  
холод быстро пробирался в его тёплую куртку.

Злате тоже было двенадцать лет.

Она тоже знала, что зима бывает с наваждением,  
но когда её ноги стали увязать в снегу,  
она стала оглядываться на мальчика с удивлением,  
её глаза, казалось, спрашивали: «Я не могу,  
зачем мы вышли в такой буран из нашего дома?»  
Арон надеялся, что встретит крестьянина с телегой.  
Снег становился глубже и дорога была незнакома.  
Арон понял, что они идут не той дорогой.  
Где запад и где восток, уму было не известно.  
В какой стороне было село, а где местечко.

Ветер завывал и закручивал снег подобно вихрям.  
Казалось, бесы пустились играть в салочки по полям.  
Злата бляела и упрямо упиралась копытцами в почву,  
будто умоляя отвести её обратно домой ночью.  
С её бороды свисали сосульки, а рога мороз посеребрил, тут  
Арон понял, если они не найдут пристанища, то замёрзнут:  
ведь это была не обычная буря, а могучие метели.  
Он проваливался в снег до колен, руки его онемели,  
нос стал деревянным, мальчик растирал его снегом.  
Блеянье Златы стало похожим на плач под небом.

Арон стал молиться за себя и за животное.  
Вдруг он заметил впереди холм и не понял, что это?  
Кто сгрёб снег в такую кучу огромную?  
Он пошёл к ней, а когда приблизился, то  
увидел громадный стог сена под снегом,  
в тот же миг понял, что они спаслись на этот раз.  
Он прорыл в снегу проход с трудом,  
Арон сельский мальчик и знал, что делать сейчас,  
добрался до сена, вырыл в нём яму для себя и Златы:  
при любом холоде снаружи, в сене было тепло и приятно.

Кроме того, сено было едой для козы:  
едва почуяв его, она обрадовалась и стала кушать.

Снаружи продолжался снегопад до зари,  
он завалил проход, им стало трудно дышать.  
Арон пробуравил окошко сквозь сено и снег  
и всё время чистил его несколько дней.  
Злата, наевшись досыта, уселась на ночлег,  
доверие к людям снова вернулось к ней.

Арон съел два ломтя хлеба с сыром до зари,  
но остался голодным после трудного пути.

Он глянул на Злату и заметил, вымя её набухло впрок.  
Молоко было густым и сладким от травы.  
Злата напоила Аарона за то, что он нашёл для неё кров,  
где стены, пол и потолок были сделаны из еды.  
Сквозь окошко Арон видел царивший вокруг хаос хмури.  
Ветер носил целые сугробы снега. Стало совсем темно,  
Арон не мог понять, наступила ночь или была тьма от бури.  
В сене не было холодно, сухая трава источала тепло.  
Злата ела часто, обкусывая сено сверху, слева и справа.  
Арон прижался к ней, её тело живое тепло излучало.

(Он всегда любил Злату, а сейчас она была ему как сестра. — Злата, что ты думаешь обо всём? — спросил он. — Ме-е-е, — ответила Злата. — Если бы мы не нашли этого стога сена, мы сейчас превратились бы в ледышки, — сказал Арон. — Ме-е-е, — сказала коза. — Если снег будет идти, нам придётся пробыть здесь несколько дней. — Ме-е-е, — проблеяла Злата. — Что значит «Ме-е-е»? — Объяснись понятнее. — Ме-е-е, ме-е-е, — попробовала объясниться Злата. — Ну ладно, пусть будет «Ме-е-е», — сказал Аарон терпеливо. — Ты не умеешь разговаривать, но я знаю, что ты всё понимаешь. «Ты нужен мне, а я нужна тебе» — ты это хотела сказать? — Ме-е-е...)

Арону захотелось спать. Он сделал подушку из сена и задремал,  
открыв глаза, не понял утро, или ночь. В окне был снега завал.  
У него была палка и он смог пробить дыру наружу.  
Снег ещё шёл, а ветер выл то на один, то на многоголосье.  
Казалось, что это хохочет чёрт, разгоняя стужу.  
Злата проснулась, Арон поздоровался, она ответила: «Ме-е-е».  
Язык Златы состоял из одного звука ко всем словам,  
но сколько в нём было значений! Она говорила ему:  
«Мы должны принимать всё, что Господь посылает нам:  
жару и холод, голод и сытость, свет и тьму».

Арон проснулся голодным, хлеба осталось совсем мало,  
они прожили в снегу три дня, но Злата молока давала.  
Мальчик любил Злату, а в эти дни любовь возрастала.  
Козочка кормила его молоком и всегда согривала.  
Она утешала его, а он рассказывал ей истории о себе,  
Злата слушала, наострив уши, он ласково чесал её,  
она облизывала ему голову, лицо и говорила: «Ме-е-е»,  
он понимал, что это значило: «Я люблю тебя тоже!»  
Снег шёл три дня и не был таким густым, а ветер исчез.  
Арону казалось, что лета не было и всегда шёл снег с небес.

У Арона никогда не было сестёр, ни матери, ни отца.

Они спали ночь и день, сны Арона были о тёплой погоде.  
Ему снились зелёные поля, чистые ручьи, пела птица.  
В сене было тихо, в ушах звенело от тишины на природе.  
К третьей ночи снег прекратился, небо стало ясным везде.  
Светила луна, снег серебрился, отражая лучи.  
Арон боялся, что не найдёт дорогу домой в темноте.  
Он выбрался наружу и взглянул на мир в ночи.  
Всё было белым, звёзды большие в небесном величии,  
и казалось, плыли по небу в своём тихом облиции.

Утром Арон услышал колокольчик, повезло,  
крестьянин на санях показал путь домой,  
не в город к мяснику, а в село.  
Арон решил, что не расстанется с козой.  
Родные Арона ходили искать мальчика и козу в буран,  
но их следа не было, все боялись, что они сгнули в пурге.  
Мать и сёстры плакали, а отец был молчалив и мрачен.  
Прибежал сосед с известием, Арон и Злата идут по дороге.  
Арон рассказал, как нашёл стог и Злата кормила его молоком.  
Сестрёнки обнимали Злату и принесли ей угощение потом,

из картофельных очистков и рубленой моркови,  
которые Злата стала жадно поедать.  
Больше и в мыслях не было козочку продавать.  
Наступила Ханука, мама Арона жарила блины.  
Злата получала свою долю, у неё был свой загон,  
она приходила на кухню и стучала в дверь рогами,  
сообщая, что пришла в гости, её пускали испокон.  
По вечерам Арон, Мириам и Анна в дрейдл играли.  
Злата смотрела на детей, сидя у печи,  
на мерцающие ханукальные свечи,  
Арон иногда спрашивал козу:  
— Ты помнишь те три дня и три ночи,  
которые мы провели вместе в стогу?  
Злата рогом чесала шею, трясла головой  
с белой бородой,  
издавая тот единственный звук без слов,  
выражая свои мысли и всю свою любовь.

## 4. Козни дьявола

Три дня снег прирастал сугробами.  
Дома по самые крыши замело.  
Окна покрылись морозными узорами.  
Ветер завывал в трубах домов,  
снежные вихри кружили без конца.  
Нечистая сила разгулялась в ураган.  
На своём обруче катила дьяволица,  
в одной руке помело, в другой аркан.

Перед ней бежал белый козёл  
с чёрной бородой и кручёными рогами.  
Следом сам дьявол шёл,  
лицо его в паутине, а рот — с клыками.  
Вместо глаз — чёрные дыры, страшный вид,  
космы до плеч, ноги, как ходули.  
В крохотном домике сидел мальчик Давид,  
ожидая конца снежной бури.

Лицо его было бледным слишком,  
но чёрные глаза горели, будто угольки.  
В Рождественскую ночь он сидел с братишкой,  
прошло уже два дня, как отец был в пути,  
чтобы купить еды, да так и не вернулся.  
Мать отправилась на поиски и тоже пропала.  
Братишка спал в колыбели, ещё не проснулся.  
В подсвечнике горела одна свеча, догорала.

Мальчик зажёг её сам, он очень беспокоился за быт.  
Ждать стало невтерпёж, он надел старое пальто,  
шапку с ушами, проверил, хорошо ли малыш укрыт,  
и пошёл искать родителей, уже было темно.  
Дьявол только этого и ждал, Он быстро оживил бурю.  
Чёрные тучи затянули небо, мороз обжигал лицо.  
Снег падал сухой и тяжёлый, идти надо было вслепую,  
ветер сбивал Давида с ног, раздувал его пальтецо.

Закружил мальчишку меж небом и землёй.  
В рёве бури Давиду чудился смех, будто из могилы:  
казалось, все бесы смеются над его бедой.  
Смекнул Давид, что попал в лапы к нечистой силе.  
Хотел он домой вернуться, но не знал, куда бежать.

Снег и мрак поглотили всё вокруг, —  
видимо, демоны заманили к себе его отца и мать,  
так они и меня схватят вдруг.

Всякое бывает, но между землёй и небесами  
всегда существовал уговор такой —  
не позволять дьяволу вершить всё по-своему.  
И что бы ни придумывал рогатый-сякой,  
под Рождество у него ничего не получилось.  
Пусть нечистой силе удалось спрятать звёзды,  
но рождественская свеча не загорелась.  
Давид бежал на огонёк больше версты.

Дьявол — следом, за ним на обруче дьяволица.  
Визжит, размахивает помелом, крутит верёвки,  
хочет заарканить беглеца.  
Давид первым добрался до избушки.  
Только распахнул дверь — дьявол уже тут.  
Мальчик едва успел захлопнуть дверь.  
Да так быстро, что хвост прищемил чёрту.  
— Отпусти! — голосил дьявол, как зверь.

Освободи моих родителей, — настаивал Давид.  
Дьявол стал клясться, что не знает, где они.  
Вот уж смекалистый был мальчик Давид,  
трудно было его просто так провести.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.